

"КОЛЕЯ" РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Автор: А. А. АУЗАН

Размышляя над опытом российских модернизаций, я осмелюсь предположить, что России, как свидетельствует ее история, присущи два рода модернизации. Либеральные модернизации, которые обычно не завершаются и бывают малоэффективными, и авторитарные, которые, с моей точки зрения, бывают квазиэффективными - они дают быстрый и резкий эффект, а потом обратный откат. При этом понятно, что либеральная модернизация - вроде бы приглашение общества к участию в модернизации, но почему-то это участие оказывается неэффективным; а авторитарная модернизация - отказ, запрет для участия общества в модернизации, но при этом неучастие общества дает эффект отката. Если мы не разберемся, почему так происходит, вряд ли можем говорить дальше о функциях общества в модернизации экономики, причем не только в России.

Явно просматривающиеся в истории страны модернизационные циклы сделали у нас в последние годы достаточно популярной теорию зависимости от предшествующего развития (*path dependence*). То, что именно в 2003 - 2004 гг. стали активно обсуждать эту теорию, говорит о наступлении в этот период реакции после революции 1991 - 1993 гг., о том, что явственно проявляется характерный для предшествующей российской истории контрреволюционный откат.

Отмечу, в частности, что три года назад при переводе выражения "*path dependence problem*" я предложил использовать термин "колея". Пусть он неточен, но в то же время имеет свои преимущества и высвечивает свои проблемы. Он позволяет сконцентрировать внимание на том обстоятельстве, что страна в силу определенных причин удерживается на некой траектории своего движения и при попытках покинуть ее в случае, если не преодолены данные причины, она раз за разом совершает скачок, за которым следует спад. "Проблема колеи", на мой взгляд, более точно отражает существо затруднений. Ведь, по сути, в любом обществе все зависит от предшествующего развития - и человек, и страна, и отрасль, и предприятие, и т.д., и т.д. То есть, просто говоря о такой зависимости, мы попадаем в сферу тавтологии. А следствием этого становится странный разговор, одни участники которого полагают, что "хорошо бы нам стать Западом", а другие возражают: "Не хотим этого, мы же не Запад. Зачем нам терять свое".

Полагаю, что прежде всего надо определиться: в чем, собственно, проблема? Если отбросить разного рода гипотетичные и многообразные объяснения ситуации, об этой проблеме мы достоверно знаем только одно. Есть феномен, зафиксированный в таблицах Мэдисона: существует дивергенция ВВП на душу населения. По этому показателю можно выделить три группы стран, и траектории их развития расходятся, а не сходятся, как считалось 50 лет назад.

Между этими тремя группами заимствование эффективных институтов не происходит, и страна крайне редко покидает свою группу. Практически за 200 лет сведенных в

А у з а н Александр Александрович - доктор экономических наук, профессор, президент Института национального проекта "Общественный договор", заведующий кафедрой прикладной и институциональной экономики экономического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

таблицы статистических наблюдений есть лишь несколько примеров перемещения из второй группы стран в первую и только один - перемещения из третьей группы в первую. Это удалось Японии.

Таким образом, проблему зависимости от предшествующего развития мы можем зафиксировать только экономически. Уровни ВВП на душу населения кардинально расходятся и дают три траектории развития. Причем, основная проблема здесь не в том, что в этих трех группах стран имеется разный уровень ВВП на душу населения (тут только предпосылка проблемы). Проблема появляется тогда, когда некая страна хочет покинуть свою традиционную траекторию. Разумеется, такое желание возникает далеко не всегда, и я вполне допускаю, что есть страны, не намеренные это делать. Например, традиционные общества не максимизируют показатель ВВП на душу населения, а если максимизируют, то оказывается, что очень скоро они как бы натываются на "потолок". Казалось бы, начался экономический рост, дающий надежду догнать более передовые страны, но затем что-то происходит и в результате - спад. И оказывается, что в среднем страна после таких колебаний вернулась на свою прежнюю траекторию.

Разумеется, для тех стран, которых традиционная траектория устраивает, проблемы *path dependence* как проблемы не существует. Но история развития России, на мой взгляд, довольно очевидно демонстрирует регулярные попытки покинуть сложившуюся траекторию. И нам, конечно же, интересно, можно ли в принципе ее покинуть, а если да, то при каких условиях и каковы факторы, сдерживающие этот процесс, задающие ему ограничения.

На мой взгляд, есть пять версий (они не взаимоисключающие), которые объясняют причины этой самой зависимости от предшествующего развития. Все они гипотетичны, имеют только частичные доказательства и дают немного разные рекомендации по поводу того, что делать для преодоления этой зависимости и перехода на более высокую траекторию. Рассмотрим вкратце пять версий в следующей логике: механизм зависимости от предшествующего развития, его приложимость к России и возможности выхода на новую траекторию.

Первая и наиболее тяжелая версия основана на применении теории *creative distractions* Й. Шумпетера, которая была разработана для технологий: обычно развитие состоит просто в перестановке элементов, их рекомбинации, качественный же рывок предполагает смену парадигмы. Причем в применении к макроуровню, это, вообще говоря, означает следующее: чтобы "перепрыгнуть" саму себя, нация должна перестать быть самой собой, должна изменить собственную идентичность. И обсуждения японского примера во многом связаны с тем, что, вроде бы, за эти 150 лет движения из третьей группы в первую японцы столкнулись с серьезными кризисами идентичности и попыткой смены идентичности.

Теоретически связь трактуется следующим образом. Из институциональной экономики известно, что неформальные правила часто сильнее формальных и есть неформальные правила очень высокого, надконституционного уровня (их в другой системе координат будут называть национальными ценностями). Это правила, задающие ограничения реализации конституционных правил. У правила действительно есть ограничительные функции, оно может служить "потолком".

Насколько это применимо к России? Вообще-то, симптоматика такого рода была замечена давно. Я сошлюсь только на работу Н. Бердяева "Истоки и смысл русского коммунизма", который сказал про 1917 г., что перед русским взглядом прошли парадом все идеи и партии; но русский человек выбрал "царя и державу". Ровно то же самое можно сказать про 1613 г. и 4 ноября, которое мы вдруг стали отмечать как государственный праздник. Государственность тогда была восстановлена не государством (оно погибло, не смогло сопротивляться), а самоорганизацией, ополчением, но в итоге выбор был сделан в пользу не парламента (земский собор не превратился в парламент), а традиционных институтов.

Можно ли говорить о том, что эти вещи преодолимы? Года три тому назад я бы сказал так: давайте посмотрим, каковы все-таки у нас правила и что они позволяют делать. Сегодня же я скажу по-другому: мне кажется, что мы находимся в фазе парадигмального сдвига. Русской нации не было, была империя, которая ушла. Наблюдаемый ныне

огромный взлет национализма, на мой взгляд, свидетельствует именно о поиске новой идентичности. Через подобную ситуацию прошли, например, турки во времена Кемаля Ататюрка. Причем они искали идентичность после гибели империи в переходе от религиозной - имперской и мусульманской - основы к основе этнической и, вообще-то, дорого за это заплатили не только своими жизнями, но и жизнями других народов.

Мы сегодня находимся в точке бифуркации - правила могут меняться довольно серьезно. И это касается не только этнических групп: внутри одной этнической группы существует колоссальное разнообразие ценностей. Но в этом многообразии ценностей важно выявить те, благодаря которым формируется нация, - совместная гордость историческим прошлым, согласие в ключевых ценностях, так называемый плебисцит - подвижность, которая постоянно подтверждает существование именно этой идентичности. Я думаю, что каждый из названных и многих других факторов сейчас подвижен, находится под определенным воздействием различных, складывающихся ситуационно обстоятельств. Поэтому определенное окно возможностей здесь есть, даже если мы принимаем это самое тяжелое объяснение.

Второй вариант классический, основанный на феномене (*QWERTY*-эффекта. Применительно к крупным институциональным системам, этот вариант разработал Д. Норт, и логика зависимости выглядит следующим образом. В какой-то точке бифуркации делается случайный выбор между институтами, и он оказывается неудачным. Но впоследствии он закрепляется издержками изменения неудачного института, адаптированностью и комплементарностью других институтов, группами интересов - возникает так называемый эффект блокировки. Правила имеют не только координационную, но и распределительную функцию. При их изменении кто-то неизбежно теряет в доходах, и этими "кем-то" могут оказаться доминирующие в обществе группы, блокирующие возможность изменений. В результате происходит закрепление неудачной институциональной системы.

Мы такие эффекты в российских модернизациях можем наблюдать и в петровских реформах, и в послепетровской экономической динамике, и в сталинской модернизации, и в последующем "съезжании" страны. Происходит некая ошибка первоначального институционального выбора, формируются неудачные для экономики и общества институты, которые далее закрепляются эффектом блокировки, то есть доминирующими интересами групп, получающих доходы именно на этой системе правил.

Можно ли говорить о том, что мы понимаем, в каких институтах возникает этот "эффект замка"? Я думаю, что - да, потому что какие бы гипотезы, объясняющие явление "колеи", связанные с этим скачки и падения, мы ни рассматривали, они все так или иначе начинают тяготеть к взаимодействию власти и собственности, власти и прав собственности, власти и бизнеса. Когда что-то в этом взаимодействии нарушается, возникает "замок" в развитии, удерживающий в определенной траектории общество, страну и экономику. В принципе, это менее тяжелый вариант объяснения, чем первый.

Насколько он приложим к России? Об этом тоже довольно много говорили и Г. Плеханов, и Г. Федотов, рассуждавшие о специфике российских экономических и политических институтов. Нельзя не вспомнить и Ю. Лотмана, писавшего о договоре и вручении себя как архетипах культуры. Много написано о возобновляемых традиционных институтах - крепостничестве и самодержавии как о парных институтах, об особой роли государства в управлении рабочей силой. Действительно, и петровская, и сталинская модернизации страны связаны с практическим использованием традиционных институтов как инструментов роста. И в обоих случаях эти институты дают отдачу, но затем следует естественный обратный эффект и происходит спад.

Эта ключевая пара институтов - крепостничество и самодержавие - сложилась в XV-XVI вв. Именно тогда сформировался наш постоянно воспроизводящийся институциональный выбор. Экономические особенности данной пары институтов, отличающие Россию от европейской ситуации, состоят в следующем. У нас не было ограничения земельного ресурса; редким ресурсом является человек. По экономической логике в таких условиях наиболее ценным и хорошо оплачиваемым ресурсом должен быть человек, и развитие должно пойти как в Америке, где сколько угодно земли, а человек - высшая ценность. Но есть другое решение: путем насилия закрепить редкий ресурс за

земельным, нередким ресурсом. Тогда государство сразу оказывается активным участником экономики. Потому и самодержавие, и крепостничество - явления как экономические, так и политические. Эта пара институтов воспроизводится у нас до сих пор. О родственных чертах самодержавия и современной политической системы много пишут политологи. Меньше говорят о том, что и крепостничество до сих пор воспроизводится. Что такое наши вооруженные силы и в чем проблема их реформирования? По сути, это серьезное крепостническое хозяйство, связанное с отходничеством, барщиной, сдачей в аренду рабочей силы. Вспомним и ситуацию с гастарбайтерами: сейчас в этом секторе находятся по меньшей мере несколько миллионов человек; они также оказались в системе крепостной зависимости.

Самодержавие и крепостничество - несущие конструкции нашей институциональной системы. Преобразовать их крайне сложно, потому что у них такая мощная инерция. Может быть, вытеснить их другими институтами? Вообще-то они вытесняются и по-своему локализируются. И здесь высвечивается объект, на который надо реально воздействовать - переплетение власти и собственности как базовый узел крепостничества и самодержавия. Мы в разных формах видим это переплетение. Если мы не сможем на него воздействовать, то эти институты будут воспроизводиться и влиять на всю институциональную среду.

В общем случае можно было бы говорить о том, что отношения власти и собственности, власти и бизнеса не самодостаточны. Как только мы начинаем рассматривать их прямую связку, то получается, что отсутствуют как ограничители, так и источники спроса на те или иные развивающие функции власти или бизнеса. То есть фактически власть и собственность попадают в положение некоторой монополии, которая далее в состоянии снимать ренту с развития страны, а не реально модернизировать ее.

И при этом сращивании начинают работать качели (мы их наблюдали в 1990-е и в 2000-е гг.): то бизнес захватывает власть, то власть - бизнес. В любом случае происходит их срастание, в любом случае мы получаем коррупцию, причем в форме выдавливания ренты из экономики. В любом случае мы получаем административные инструменты конкуренции и административные барьеры - "тромбофлебит в экономике", высокие издержки, не позволяющие экономике не то что летать, но даже более или менее быстро двигаться. Путь к решению проблемы сращивания - в усилении воздействия общества на власть и бизнес.

Третий вариант объяснения появился недавно, но сейчас, думаю, он становится наиболее популярным. Я имею в виду "проклятие ресурсов". В 1995 г., когда эта идея была выдвинута, был еще низкий уровень цен на углеводороды. В последние же годы мы все имели возможность убедиться, как высокие цены на углеводороды влияли на нашу политическую и экономическую жизнь. В чем логика такого объяснения *path dependence*? В. Тамбовцев и Л. Валитова считали эконометрические модели по связи ресурсной обеспеченности и обеспечения прав собственности (думаю, скоро эта работа будет опубликована). В чем логика их анализа? Дело не в абсолютной обеспеченности природными ресурсами - есть страны, прекрасно обеспеченные ресурсами, в которых не наблюдается этой зависимости. Эконометрически эффект "проклятия ресурсов" наблюдается там, где есть высокая доля природных ресурсов в экспорте. Именно в этой ситуации начинает просматриваться зависимость, то есть сырьевой экспорт, а не просто факт богатства природными ресурсами является существенным.

Кроме того, на фактор "проклятия" влияют не любые ресурсы, а только те, которые носят не дисперсный, а концентрированный характер. Например, земельные ресурсы не обеспечивают такой зависимости. В итоге возникает ситуация, когда права собственности обеспечиваются только рентными источниками. Все остальные права собственности размываются. Возникает система слабых институтов. Все институты оказываются сконцентрированными на разделе ренты и обеспечении, воспроизведении этой самой институциональной структуры. Причем в такой ситуации сам факт принципиальной возможности излечения "голландской болезни" совершенно не существует. Здесь имеет место нечто, похожее на "голландскую болезнь", но с гораздо более серьезными, глубокими институциональными корнями.

В чем возможный выход из такой ситуации? По мнению Тамбовцева, тут видятся три шага. Причем первый, поскольку он обусловлен изменением целеполагания, связан с изменением политических институтов, развитием конкурентности или, как выражается Тамбовцев, хотя бы состязательности в политической сфере. Следующий шаг - закрепление прочих прав собственности и снижение трансакционных издержек. Наконец, третий шаг - именно третий - политика государственной поддержки фундаментальной науки и образования.

Четвертый вариант объяснения в известной степени близок к третьему, потому что и тут права собственности оказываются центральным моментом воздействия на зависимость от предшествующего развития. Я имею в виду вариант, предложенный Э. де Сото. Его логика выглядит следующим образом. Во-первых, импульсом к образованию зависимости он полагает демографический переход. В его условиях возникает острая внутренняя конкуренция: деревня движется в город, слобода движется в город. Большие города начинают защищаться. Для этого они используют право, отстаивая монополию прежних элит. Право становится не способом оформления прав собственности, а самозащитой монополии элит.

В итоге образуются "колпаки Броделя": в стране формируются несколько центров, которые, вроде бы, живут по-западному, там работают транснациональные компании, действуют юристы, есть признаки процветания; и есть вся остальная страна, которая живет на неформальных социальных контрактах, поддерживаемых криминальными способами, причем разными от региона к региону. Все это - очень плохая среда для развития. В итоге, по де Сото, складывается следующая ситуация: поскольку собственность не легальна, постольку она не является капиталом, не может быть капитализирована. И дело не в том, что она не учитывается в ВВП, а в том, что она не поддается легальному оперированию; здесь невозможно рекомбинирование. В итоге при наличии в стране очень больших активов мы имеем крайне низкий ВВП на душу населения из-за нелегальности прав собственности. Такая картина, рисуемая де Сото для Латинской Америки, очень похожа на то, что происходит в России.

Меры выхода, предлагаемые в этой версии, связаны с новым социальным контрактом, который должен носить национальный характер, - эксплицитное соглашение о комплексных политических реформах, требующее согласия разнообразных социальных групп, в том числе мафии. Мафия должна соглашаться на легализацию, она во многих случаях поддерживает контракты. На реформы должна быть согласна и часть юридической корпорации, хотя, по де Сото, юридическая корпорация - злейший враг развития, преодоления этих самых проблем. Суть реформ состоит в сближении формальных и неформальных правил, в упрощении права и легализации фактически существующей собственности, причем массовой собственности.

Последнее, *пятое*, объяснение касается динамики развития. Речь идет о политической цикличности (но не о политических циклах), точнее - о маятниковом движении. С позиции институциональной экономики объяснение примерно следующее. Формальные правила меняются всегда дискретно, а неформальные - всегда инкрементно, всегда "плывут". При резком изменении формальных правил конституционного уровня (как стыдливо называют революцию) происходит значительный разрыв формальных и неформальных правил, образуются определенные зоны напряжения, связанные не только с возможностью создания новых форм, но и с необустроенностью, криминальностью и т.д. В результате накапливается потенциал для движения в обратном направлении, то есть реструктуризации правил в обратном отношении. После завершения революции закономерно наступает реакция.

К России это, к сожалению, очень применимое объяснение. Такие маятниковые колебания, в частности, Норт иллюстрирует тем, как эти волны идут у нас от Октябрьской революции через весь XX в., потому что он считает самым глубоким наблюдаемым изменением в XX в. именно эту революцию, "дискретные изменения в правилах конституционного уровня". Понятно, что надо всячески избегать маятниковых движений, поддерживать мягкие формы перехода и устойчивость формальных правил, близость формальных и неформальных правил. Это вопрос характера движения, если мы хотим избежать зависимости от маятниковых движений.

Теперь общий вывод. *Path dependence* может объясняться иерархией фактов, на разных уровнях которых эта зависимость может формироваться, надконституционных, конституционных, экономических прав собственности. При этом, по каждому конкретному направлению, вообще говоря, понятны условия выхода. Они во многом находятся на связке "политического устройство - системы собственности", сращенности собственности и власти.

Не всегда общество само способно включиться в модернизационный процесс. Понимая структуру и динамику социального капитала, его радиусы и векторы, мы, вообще говоря, можем предсказать, какими инструментами воздействовать на активизацию общества. Но данный факт у нас всегда находился за рамками взгляда либеральных реформаторов, полагавших, что раз общество хочет модернизации, то оно будет делать модернизацию. Какие же здесь инструменты возможны?

Во-первых, рост связей между людьми зависит от того, какие издержки для этого взаимодействия создаются. Эти издержки обусловлены не только распространением доверия или недоверия, но еще издержками созданий тех или иных организаций. Я напоминаю, что при малом масштабе организаций, групп в обществе, мы с высокой вероятностью получим распределительные группы, распределительные коалиции, которые будут ориентироваться на ренту и тормозить развитие, а не стимулировать его. Однако есть законодательные инструменты, либо повышающие, либо понижающие трансакционные издержки таких объединений. Например, анализ некоммерческого законодательства, принятого в 2005 г., показывает, что оно способствовало возникновению очень серьезных трансакционных издержек. Такого рода законы (не говоря уж о том, что нужны были бы законы развивающие, а не повышающие издержки) сами по себе являются фактором того, может общество включаться в развитие или нет.

Во-вторых, надо учитывать момент, который, на мой взгляд, справедливо отмечает де Сото, - легализацию. Причем я бы сказал, легализацию не только активов, но и людей, потому что понятно: при наличии конфликта формальных и неформальных правил активность значительных элементов общества, а не только бизнеса, сдерживается. Сдерживается страхом людей, находящихся за пределами защиты закона; под потенциальным преследованием закона. Конкретно, речь идет здесь о том, что важен не только инструмент массовых амнистий, который вроде бы робко, но применяется, важен и другой инструмент - упрощение права. Потому что право, идущее по пути кодификации, гармонизации больших корпусов законодательства, вообще говоря, оказывается удобным инструментом сдерживания общества, а не применения правовой нормы, монополизации ренты, а не защиты интересов автономных общественных групп.

Может ли общество воздействовать на этот самый "замок истории", на сращивание власти и собственности? На мой взгляд, у общества довольно естественная роль в этом процессе, оно - источник спроса на те или иные услуги как со стороны бизнеса, так и со стороны власти. Вот в этой своей роли - активного спроса - общество и начинает размыкать блокировку, навязывая (в качестве "нации") свои ценности власти и бизнесу.

Когда социологи и экономисты (например, академик В. Полтерович) исследуют спрос на право, спрос на институты и спрос на демократию, они сталкиваются с парадоксом. Обнаруживается, что спрос на права, важные для развития, а не для консервации прежних общественных институтов, проявляет очень небольшая часть общества. Причем думаю, что это - парадокс спроса на демократию, который можно выразить в очень жесткой форме.

Все сильные демократии современного мира выросли из цензовой демократии. Новым демократиям считается неприличным говорить о таком историческом факте. Но мне не известен исторический путь, который был бы пройден по направлению к сильной демократии, минуя станцию цензовой демократии. Понятно, что в XXI в. применять рецепт цензовой демократии невозможно. Однако вдумаясь в смысл того, что стоит за этим феноменом.

Расширение спроса и предложения происходит соответственно друг другу вместе с ростом образования и имущественного статуса. Но ведь это означает, что сейчас нужно другими инструментами (разумеется, не цензовой демократией, а настройкой разделе-

ния властей и политической конкуренции) создавать сегментированный рынок спроса и предложения прав. Это в принципе решаемая задача, но решается она, к сожалению, не автоматически. Тем не менее среди исследователей распространена сомнительная, по-моему, точка зрения, согласно которой с постепенным ростом среднего класса проблема спроса на те или иные государственные институты решится сама собой.

Когда система государственных институтов устроена так, что переговорная сила растущего среднего класса крайне мала, периодически, на крутых поворотах истории, средний класс, как это было во время дефолта 1998 г., будет становиться жертвой исторического процесса. И не потому, что властные группы так боятся его великого будущего, а потому что его переговорная сила в наших условиях крайне мала и он становится удобным объектом для экспроприации. Поэтому не думаю, что без настройки системы государственных институтов под разные группы, предъявляющие спрос на разные права, можно сделать что-то реальное.

Конечно, здесь необходима и активная роль самого общества. Прежде всего в ограничении властных институтов (например, в том, что делается в рамках административной реформы в связи со стандартами оказания властных услуг; я имею в виду "хартии граждан" как источник стандартов этих услуг).

Еще более сложная задача касается легализации и легитимации самой собственности, потому что слабость бизнеса и собственности сейчас покоится на очень простом факте. Крупная частная собственность (а где начинается крупная - спорный вопрос) не признана основными группами населения. В таких условиях бизнес и собственность, безусловно, зависят от власти, потому что власть фактически говорит: "Пока вы стоите рядом со мной, вы более или менее в безопасности, но отдадите мне столько и тогда, сколько и когда я от вас потребую".

Поэтому есть очень простая, генеральная функция общества в процессе модернизации - функция легитимизации новых институтов. Модернизация - всегда, по самому своему смыслу, выход из традиционных категорий. Здесь уже в рамках прежнего социального контракта, традиций очень трудно продвигаться дальше. Нужны новые институты, а они должны быть общественно признанными. Это не психологический, а экономический вопрос. Потому что непризнанные институты - государственные или частные - связаны с огромными, иногда запретительно высокими транзакционными издержками, которые и выражаются в оппортунистическом поведении, в коррупции, в огромных затратах на принуждение к выполнению правил. Если вопрос легитимности решается, то решается и эта проблема.

Завершая рассуждения о "зависимости от предшествующего развития", о "колее", мы можем уточнить, что, скорее, говорим об институциональной инерции. В отличие от обычной инерции, она не то что гаснет, и с XV в. никак не погаснет, но может усиливаться, как минимум, благодаря трем факторам. Во-первых, это "проклятие ресурсов" - и мы получили импульс такого рода. Во-вторых, это демографические переходы. И в-третьих - маятниковые движения. Сейчас, в начале XXI в., оказавшись в ситуации концентрированного воздействия всех этих трех факторов, мы ощутили кожей "проблему колее". Но существуют и окна возможностей, в том числе, по-моему, в надконституционных факторах. Я имею в виду начинающийся парадигмальный сдвиг в формировании того, что принято считать национальными ценностями, или надконституционными, неформальными правилами.

Я могу гипотетически принять утверждение сторонников "особого пути" России, что сам модернизационный вызов для нас исходит извне. Однако проблемы реагирования на этот вызов лежат внутри. Препятствия, которые нужно преодолевать, связаны с тем, как мы прошли предыдущие этапы развития, в том числе и последний период реформ. На мой взгляд, их итогом стали противоречивые результаты, но это - нормально. Каждый период заканчивается с некоторым счетом выигрышей и потерь. Однако нельзя не видеть того, что проблемы, стоящие сегодня перед нами, - не кошмарны, не смертельны.